

ŻYCIE TATARSKIE

ISSN 1506-431X

ukazuje się od 1934 roku

Nr 39(116)

styczeń-czerwiec
2014

Rok X (XXVIII)

صحررم	أهوندلؤ	صفر	اوسرد
سبيع الاول	أجشور	سبيع الاحر	أصبوط
جماز الاول	اندل	جماز الاحر	اؤوظوسؤ
ساجب	اوسرد	شعبان	اياطيه
ساملغان	أصبوط	شؤل	أهوندلؤ
دلفجه	اؤوظوسؤ	دلفجه	أجشور

Ренат Беккин

Доктор экономических наук,

кандидат юридических наук,

заведующий кафедрой востоковедения и исламоведения

Казанского федерального университета

Надмогильные памятники польско-литовских татар на Ново-Волковском кладбище в Петербурге

С Петербургом связаны судьбы многих польско-литовских татар. Об их жизни в столице Российской империи мы узнаем, как правило, из письменных документов: личных дел студентов, обучавшихся в петербургских университетах; адресных книг; газетных и журнальных статей; реже – писем и дневников. Все эти источники в той или иной степени позволяют лучше узнать историю польско-литовских татар в Петербурге. Но история эта будет, на наш взгляд, неполной, если мы оставим без внимания место, где обрели вечный покой мусульмане, постоянно проживавшие или временно оказавшиеся в городе на Неве и его окрестностях – магометанском участке Ново-Волковского кладбища. Среди погребенных здесь немало польско-литовских татар, память о которых до сих пор хранят уцелевшие надмогильные памятники¹. Наша статья состоит из двух частей. В первой излагается краткая история магометанского участка Ново-Волковского кладбища. Во второй будет дано краткое описание надписей на сохранившихся надмогильных памятниках польско-литовских татар. Автор выражает благодарность А.М. Ахуну, Д.А. Шагавиеву и Е.Н. Хамидову за помощь в переводе текстов на старотатарском и арабском языках.

¹ В настоящей статье мы избегаем употреблять термин «надгробие» применительно к мусульманским надмогильным памятникам, принимая во внимание то обстоятельство, что, согласно исламской традиции, покойников хоронят без гробов.

Краткая история магометанского участка Ново-Волковского кладбища

Одним из первых мест компактного погребения мусульман в Петербурге в первой половине XVIII в. до создания Татарского кладбища в Волковой деревне был участок на Выборгской стороне – к северу от Сухопутного военного госпиталя (там, где располагаются корпуса Военно-медицинской академии).

В кратком сообщении *ахуна*² М.-С. Баязитова, опубликованном в приложении к «Петербургскому некрополю» В.И. Саитова, говорится: «Мусульманское кладбище в Петербурге, существует со времен Императора Петра Великого. Первоначально, для магометан было отведено место на Выборгской стороне, за Арсеналом, не доходя до Католического кладбища. Там хоронили до 1827 года»³.

Данное сообщение не следует на наш взгляд, безоговорочно принимать на веру. Оно содержит, как нам представляется, как минимум, два утверждения, требующих серьезного уточнения. Во-первых, никакого особого мусульманского кладбища при Петре I и при его преемниках на Выборгской стороне не существовало. Речь может идти лишь об иноверческом кладбище, где хоронили мусульман (пусть и отдельно от других иноверцев). И, во-вторых, версия о том, что последователей ислама продолжали предавать земле на Выборгской стороне вплоть до 1827 г., не подкреплена никакими документами. В ее защиту приводится лишь один аргумент: какое-либо другое место, которое могло бы служить мусульманским кладбищем в Петербурге во второй половине XVIII – начале XIX в., неизвестно.

Впервые с инициативой создания отдельного мусульманского кладбища в столице империи выступил отставной армии подпоручик Шаги-Ахмет Тефкилев. В 1798 г. он обратился с прошением на Высочайшее имя о пожаловании мусульманам молитвенного дома

2 Ахун (перс. – наставник) – духовный сан у мусульман. В ряде регионов *ахун* являлся главой мусульманского духовенства.

3 Саитов В.И. Петербургский некрополь. – СПб, 1913. – Т. 4. – С. 743.

в Петербурге и отведении места для кладбища⁴. Тефкилев указывал, что подходящим местом для погребения магометан будет территория за Волковой деревней, где прежде хоронили турок-военнопленных (поэтому, писал Тефкилев, это место «и поднесь называется Турецким кладбищем»)⁵. Таким образом, прошение Тефкилева является документом, где впервые упоминается мусульманское кладбище в Петербурге, на котором во второй половине XVIII в. хоронили пленных турок и, возможно, представителей других народов, традиционно исповедующих ислам. В доверенности, выданной воинскими чинами мусульманского вероисповедания Тефкилеву, было упомянуто 506 человек, однако реально свои подписи поставили только 315 человек.

Простение Тефкилева и других мусульман столицы оставались без удовлетворения до конца 1820-х гг. Наконец, в 1826 г. в ответ на ходатайство военного ахуна Отдельного гвардейского корпуса Д. Хантемирова было получено «Высочайшее» разрешение выделить под мусульманское кладбище земли в районе Волковой деревни. В результате, в том же году под мусульманское кладбище был выделен участок в 2 десятины земли на берегу реки Волковки – в трех верстах от города. Участок был куплен у местных крестьян, «поскольку земля в сем месте к пашине и сенокосу совершенно неудобна»⁶.

На многих картах XIX – первой половины XX в. магометанское кладбище называется Татарским, поскольку на протяжении всей истории Петербурга татары составляли большинство мусульманского населения города. Изначально кладбище предназначалось для погребения воинских чинов. Однако вскоре здесь стали хоронить не только военных, но и всех последователей суннитского направления в исламе.

Фрагмент карты г. Санкт-Петербурга 1893 г

4 По прошению Шаги-Ахмета Тефкилева о молитвенном доме и отведении места для кладбища // РГИА. Ф. 1374. Оп. 2. Д. 1112.

5 Там же // РГИА. Ф. 1374. Оп. 2. Д. 1112. Л. 3-3об.

6 Андреев А.И., Кобак Ф.В. Исторические кладбища Петербурга: Справочник-путеводитель. – СПб., 1993. – С. 467.

(Из фондов Российской национальной библиотеки)

В 1831 г. в Петербурге бушевала эпидемия холеры, и недалеко от магометанского кладбища возник специальный холерный участок. На этом же участке хоронили умерших от эпидемии 1848 г. Здесь также нашли упокоение лица, покинувшие этот мир без церковного покаяния.

Вскоре после открытия Татарского кладбища проживавшие в Петербурге персы обратились в 1841 г. к властям с ходатайством об открытии отдельного персидского кладбища или участка. Власти благосклонно отнеслись к данному прошению, тем более что сами персы брались обустроить место под кладбище и содержать его. Высочайшим повелением было решено выделить для захоронения персов 400 кв. саженей земли рядом с Татарским кладбищем. Вопрос с местоположением Персидского кладбища был окончательно решен к 1843 г⁷.

После революции персидский участок находится в составе Ново-Волковского кладбища. Он расположен у центральной дороги, слева от входа на Магометанское (Татарское) кладбище.

Говоря о мусульманском кладбище в целом, можно с полной уверенностью утверждать, что покойники здесь лежат в буквальном смысле в несколько слоев. Как можно заключить из сообщения военного *ахуна* Хамидуллы Халитова, уже в 1877 г. на кладбище фак-

7 Подробнее об этом см.: Дело об отводе на Волковом поле места под кладбище для проживающих в Петербурге персиян // РГИА. Ф. 1589. Оп. 2. Ед.хр. 234.

тически не имелось свободного места⁸.

В 1870-е гг. мусульманам был выделен участок в 5 десятин земли на Преображенском кладбище, находившемся тогда в 9,5 верстах от Санкт-Петербурга вдоль линии Николаевской железной дороги, недалеко от станции Обухово. Однако на этом участке так и не было произведено ни одного захоронения⁹. Причина была следующей. За погребение умерших на Преображенском кладбище была установлена фиксированная плата. Для представителей различных вероисповеданий она была неодинакова. Так, для мусульман в конце 1870-х гг. стоимость погребения составляла: 1) в первом разряде – 15 рублей, 2) во втором разряде – 10 рублей, 3) в третьем разряде – 3 рубля. Для младенцев до 7 лет плата составляла ½ платы за взрослого человека. И только в четвертом разряде было возможно бесплатное погребение. Для этого требовалось, чтобы бедность умершего была удостоверена полицией, мировым судьей или попечителем о бедных Императорского человеколюбивого общества¹⁰. Согласно же мусульманской традиции, за погребение не должна взиматься плата. Кладбища в мусульманском мире по своей правовой природе представляют, как правило, *вакф* – благотворительную неотчуждаемую собственность, пожертвованную на нужды общины меценатом или государством.

Проблему с дополнительной землей для кладбища удалось ре-

8 Ислам в Санкт-Петербурге: энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. Д.З. Хайретдинов. – М., 2009. – С. 119.

9 М.-С. Баязитов в уже цитировавшемся сообщении из «Петербургского некрополя» пишет: «Кроме того, магометане погребены и на Преображенском кладбище, где для них отведено особое место» (Саитов В.И. Петербургский некрополь. – СПб, 1913. – Т. 4. – С. 743). Это утверждение, которое можно опровергнуть документально, свидетельствует о ненадежности текста Баязитова как источника по истории мусульманского кладбища в Петербурге.

10 Подробнее о выделении мусульманского участка на Преображенском кладбище см.: Загородные кладбища в С.-Петербурге по линиям Николаевской и Финляндской железных дорог и порядок захоронения на них умерших. Правила для управления загородными кладбищами. Обязанности смотрителей приемных станций и загородных кладбищ. [СПб], [1893].

шить только в следующем столетии. В 1909 г. Фатима Байрашева, во исполнение завещания своего супруга купца Атауллы Байрашева, оформила дарственный акт, где, помимо прочего, говорилось о выделении на средства покойного 524,3 сажень земли для нужд мусульманского кладбища в деревне Волховка¹¹. Кроме того, деньги на содержание кладбища поступали от Мусульманского благотворительного общества в Петербурге. Таким образом, со временем Татарское кладбище стало полноценным *вакфом*.

В первые годы после открытия Татарского кладбища людей погребали без всяких памятников. Метрических книг не велось. И сведения о захоронении того или иного лица уходили в могилу вместе с родственниками да кладбищенским сторожем. На протяжении всего существования кладбища остро стояла проблема нехватки земли.

Большая часть захоронений XIX – начала XX в. не сохранилась. На сегодняшний день на Ново-Волковском кладбище историческими, согласно справочнику-путеводителю «Исторические кладбища Петербурга»¹², считаются следующие захоронения: экстраординарного профессора факультета восточных языков Петербургского университета шейха **Мухаммада Айяда ат-Тантави** (1810–1861); генерал-майора, героя Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. **М.С. Энемука** (1839–1894); генерал-майора **Т.-Б.-К. Дударова** (1844–1912); военного хирурга, педагога и мецената, главного врача Николаевского военного госпиталя **С.М. Яновича-Чаинского** (1834–1903); купца I гильдии, владельца ресторана «Самарканд» в Новой Деревне **Рахматулло Халитова** (1831 или 1832–1898); суфия **Махмуда-Ишан Хасани Афгани Хафиза Каламуллы** (ум. 1846); генерал-майора, персидского принца **Шафи-Хана** (1853–1909); персидских купцов из г. Решта: **Ака Мирзы Садыка** (ум. 1844) и **Ака**

11 Ислам в Санкт-Петербурге: энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. Д.З. Хайретдинов. – М., 2009. – С. 169.

12 Кобак А.В., Пирютко Ю.М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. – Изд. 2-е, дораб. и испр. – М.-Спб., 2011.

Мухаммада Хаджи (ум. 1843).

Однако, вышеприведенным списком не ограничивается число сохранившихся на магометанском участке Ново-Волковского кладбища надмогильных памятников, относящихся к 1900–1918 гг. Их количество более, чем в два раза превышает число исторических захоронений. Значительная часть имен, обозначенных на этих памятниках, принадлежит польско-литовским татарам.

Мы не утверждаем, что нам в нашей статье удалось рассмотреть все сохранившиеся на Ново-Волковском кладбище надмогильные памятники польско-литовских татар дореволюционного периода. Однако большинство из них было нами выявлено. Анализируя географию расположения обнаруженных памятников, мы возьмем на себя смелость утверждать, что к началу XX в. на части территории Татарского кладбища (на границе с Персидским кладбищем) возник своего рода участок, где компактно хоронили мусульман – выходцев из Польши, Литвы, Белоруссии. Мы не ставили себе задачей установление имен всех польско-литовских татар, похороненных на Ново-Волковском кладбище. Ответ на этот вопрос способны дать метрические книги мусульманских приходов Петербурга, включающие данные, начиная с 1840-х гг., а также «Петербургский некрополь» Сайтова¹³.

Сохранившиеся надмогильные памятники польско-литовских татар

Известно, что польско-литовские татары давно утратили татарский язык. Единицы владели арабским. Поэтому нет ничего

13 В «Петербургском некрополе» упомянуты следующие польско-литовские татары, похороненные на Ново-Волковском кладбище к 1913 г.: 1) Ассанович А., юнкер Константиновского училища (ум. 1888), 2) Байрашевский И., подполковник 68-го лейб-Бородинского полка (ум. 1907), 3) Байрашевский М.И., капитан 68-го лейб-Бородинского полка (ум. 1907), 4) Мильковский Я., студент С-Петербургской Военно-Медицинской Академии (ум. 1903), 5) Смольский Д.С., казначей Мусульманского благотворительного общества (ум. 1908), 6) Янович-Чаинский С.М., доцент Военно-Медицинской Академии (ум. 1903).

удивительного в том, что на многих памятниках значительная часть текстов написана на русском. Не вызывает удивления и наличие надписей на арабском – среди них преобладают *шахада*¹⁴, *басмала*¹⁵ и фрагменты *айата* 156 суры «Корова» («...говорят: “Поистине, мы принадлежим Аллаху, и к Нему мы возвращаемся!”»)¹⁶. В большей степени представляют интерес памятники с текстом на старотатарском языке, которым владели лишь немногие татары – выходцы из Польши, Литвы и Белоруссии.

Для удобства изучения мы разделили надмогильные памятники польско-литовских татар на магометанском участке Ново-Волковского кладбища на четыре группы:

Памятники, содержащие надписи на арабском, русском и польском языках.

Памятники, содержащие надписи на русском и арабском языках.

Памятники, содержащие надписи на русском, старотатарском и арабском языках.

Памятники, содержащие надписи исключительно на русском языке.

Рассмотрим далее памятники, относящиеся к указанным группам.

1) Памятники, содержащие надписи на арабском, русском и польском языках.

К этой группе принадлежит всего один памятник – на могиле С.М. Яновича-Чаинского, относящейся, как было указано выше, к числу исторических захоронений. Прежде, чем перейти к описанию содержащихся на памятнике надписей, мы считаем необходимым

14 Шахада – зд.: формула исповедания веры в исламе. Первый из пяти столпов ислама. Включает два первых исламских догмата: признание единобожия (*ат-таухид*) и пророческой миссии Мухаммада (*ан-нубувва*).

15 Басмала – исламская формула, состоящая из слов «Бисмиллахи ар-рахмани-р-рахим» («Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного»). С басмалы начинаются все суры Корана, кроме девятой.

16 Здесь и далее текст Корана на русском языке дается по переводу И.Ю. Крачковского.

изложить здесь краткую биографию этого примечательного человека.

Салих Мустафович Янович-Чаинский (1834–1903) родился в г. Новогрудок Минской губернии в дворянской семье польско-литовских татар. В 1856 г. он поступил казенным студентом в Медико-хирургическую академию, которую окончил в 1861 г. лекарем с отличием и с золотой медалью. В 1864 г. Янович-Чаинский защитил диссертацию на тему «Лечение расширения подкожных вен на ногах впрыскиванием раствора полуторохлористого железа»¹⁷ и получил степень доктора медицины. В этом же году Салих Мустафович был прикомандирован к первому военно-сухопутному госпиталю в Петербурге. В 1870 г. Янович-Чаинский назначается на должность консультанта в Петербургском Николаевском госпитале. Он занимал эту должность в течение 17 лет и провел за это время более 1 000 больших операций.

В 1872 г. Янович-Чаинский был избран профессором теоретической хирургии в Казанском университете. Ему была предложена кафедра. Но Янович-Чаинский отказался от этого соблазнительного предложения, решив не оставлять занятий практической хирургией. В 1875 г. Салих Мустафович был удостоен звания доцента оперативной хирургии в Императорской Медико-хирургической академии в Петербурге.

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Янович-Чаинский находился в действующей армии, работал на перевязочных пунктах в военно-временных госпиталях при взятии Шипки. В 1888 г. Салих Мустафович назначен главным врачом Семеновского Александровского госпиталя, а на следующий год становится главным врачом Николаевского военного госпиталя, где и работал до своей кончины. В 1895 г. Янович-Чаинский получает чин тайного советника.

17 Янович-Чаинский С.М. Лечение расширения подкожных вен на ногах впрыскиванием раствора полуторохлористого железа. Дисс. на степень д-ра медицины лекаря С. Яновича-Чаинского. – Спб, 1864.

За пределами медицинского сообщества Янович-Чаинский получил известность прежде всего как меценат. Он являлся членом Медико-филантропического комитета Императорского человеколюбивого общества, входил в Комитет по постройке Соборной мечети в Петербурге. После себя Янович-Чаинский оставил богатую библиотеку. Согласно завещанию, книги из нее были переданы Высшим женским медицинским курсам при Николаевском военном госпитале, где Салих Мустафович долгие годы преподавал, и Пироговскому обществу. Янович-Чаинский также завещал значительные суммы денег на содержание бедных студентов Военно-медицинской академии, на постройку мечети в С.-Петербурге и на другие благотворительные цели.

В кратком изложении биография Яновича-Чаинского приведена на его надмогильном памятнике из черного гранита в текстах на арабском, русском и польском языках. В верхней части памятника на лицевой стороне начертан арабский текст. Здесь излагается краткая биография Яновича-Чаинского: : «Хуа ал-Баки / Салих бин Мустафа Янович-Чаинский / кана мударрисан фи мадраса ал-банат ат-тиббийа / ва казалика фи-л-акадимийа ат-тиббийа ал-имбратурийа / аслуху мин татар Литуа [отступ] улида фи мадинат Нуфугрудук / мин вилайат Минск [отступ] ва интакала ила рахмат Аллахи / Та'ала фи Питарбург фи 30 [хмл?]¹⁸ санат 1903 ва лаху / мин ал-умр 69 санат [отступ] ва кад хаза рахимаху Ллаху 'ала ахсани / с-сифат [отступ] ва кана кудва ли-л-гайр фи 'амал ал-хайр / фа лийатагаммада ал-Маула бирахматихи ва ридванихи» («Он – ал-Баки / Салих б. Мустафа Янович-Чаинский / был преподавателем в медицинском училище для девочек / а также в Императорской медицинской академии / происходит из литовских татар [отступ] родился в городе Новогрудок / Минской губернии [отступ] и скончался по милости Аллаха / Всевышнего в Петербурге 30 марта 1903 г. в / возрасте 69 лет [отступ] он был одарен (да смилуется над ним Аллах!) лучшими / качествами [отступ] он был примером подражания для других

¹⁸ Возможно здесь ошибка. Возможно, имеется в виду месяц джумад ал-ула.

в благих деяниях / так пусть же Владыка охватит его Своей милостью и довольствием»).

Чуть ниже в три строки (также на арабском языке) следует обращение с мольбой к Аллаху: «Кад кана касаду хайатиhi фи дунйа тахфиф ал-умур ал-‘алил мин ан-нас / ва авджа‘ихи [отступ] фад-жизху йа Рабб хасан аджр [отступ] из иннака ла туди‘у / ‘амала ‘амил [отступ] ва идж‘ал Салихан фи-л-ахирати мин ас-салихин» («Целью его жизни в этом мире было облегчение мучений больных людей / и их страданий [отступ] поэтому, вознагради его, о Господь, лучшей наградой [отступ] ведь поистине Ты не делаешь пропавшими / дела делающих, и сделай Салиха в следующей жизни из числа праведников»).

Текст на русском содержится в нижней части памятника, на пьедестале: «Салих Мустафович / Янович-Чаинский / Доцент Императорской / Военно-Медицинской¹⁹ Академии / и Профессор / Медицинских Женских Курсов / 1834–1903». Надпись на польском размещена на тыльной стороне памятника: «S.P. / Salih / Janowicz-Czaiński / Docent Cesarzskiej W.-Medycznėi Akademji, / Professor / Medycznych Zeńskich Kursów. / Urodził sie w Nowogródku, w 1834 roku, / Zmarł 30 marca 1903 roku. / Cześć / prawej jego duszy!».

На памятниках в данной группе информация о погребенном лице приведена на русском языке. Арабский же текст ограничивается либо *шахадой*, либо *басмалой* с фрагмен-

Памятник на могиле Яновича
-Чаинского (Фото Р.И. Беккина)

*Wszystkie fotografie autorstwa
Р.И. Беккина

¹⁹ Так в оригинале.

тами коранических *айатов*. К этой группе относятся памятники на могилах **С.М. Байрашевской**, **К. Домбровского** и, возможно, **Е.Я. Сафаревич**.

В верхней части памятника **Софии Матвеевны Байрашевской** (1839–1908) приведены три арабские буквы: «Алиф, ‘Айн, Ба». Ниже воспроизводится *шахада*: «Ла илаха илла Ллаху / ва Мухаммадун расулу Ллахи («Нет никакого божества, кроме Аллаха, / а Мухаммад—посланник Аллаха»)). Данный текст (без огласовок) заключен между полумесяцем (справа) и пятиконечной звездой (слева). В средней части памятника – надпись на русском: «София Матвеевна / Байрашевская / 1839-1908.»

Памятник на могиле **Константина Домбровского** фактически является надмогильной плитой, поскольку в настоящее время находится в горизонтальном положении. Примечательно, что рядом с Константином погребены другие представители семьи Домбровских, ушедшие из жизни позднее: Александр Адамович (1896–1956), Елена Адамовна (1903–1981), Степанида Давыдовна (1877–1926) и Людмила Парфеновна (1906–1971).

В верхней части памятника после *басмалы* приведен фрагмент 156 *айат* *суры* «Корова»: *قَالُوا إِنَّا لِلَّهِ وَإِنَّا إِلَيْهِ رَاجِعُونَ* («... говорят: «Поистине, мы принадлежим Аллаху, и к Нему мы возвращаемся!»). При этом текст *басмалы* и *айата* приведены лишь с частичными огласовками

В средней части памятника выбит текст на русском языке: «Константин / Домбровский. Род. 1 апр. 1902 г. Сконч. 16 авг. 1906 г.». И, наконец, в самом низу, также на русском следу-

Памятник на могиле С.М.
Байрашевской

ет надпись: «Дорогому крошке Котику / от Папы и Мамы».

К этой же группе, скорее всего, следует отнести памятник на могиле **Евы Яхиевны Сафаревич**. Этот памятник (уже в поверженном, горизонтальном состоянии) нам доводилось видеть на кладбище в 2010–2011 гг. В нашем архиве сохранилась фотография части надмогильного камня с фрагментами надписей. В настоящее время памятник Сафаревич вероятно утрачен – по крайней мере, нам, несмотря на неоднократные попытки, не удалось обнаружить его в этом году на прежнем месте.

Памятник на могиле
К. Домбровского

В верхней части памятника – текст на арабском в две строчки. Из них различима нижняя, представляющая собой текст *шахады*.

Ниже – текст на русском: «Здесь покоится прах жены студента / Императорского С-Петербургского Университета / Евы Яхиевны Сафаревич / Урожденной Гембицкой / Скончалась 28 сент. 1904 г. на 27 году жизни».

3) Памятники, содержащие надписи на русском, старотатарском и арабском языках.

К данной группе относятся памятники на могилах **К.Я. Якубовского**, **И. Романовича**, **Р.Ю. Соболевской** и **А.И. Ассановича**. На русском и старотатарском языках представлены сведения об умершем. На арабском встречается либо текст *шахады*, либо *басмала* и/или фрагменты коранических *айатов*.

Надмогильный памятник **Констани́на Якубовича Якубовского** – один из наиболее заметных на магометанском участке Но-

во-Волковского кладбища. Своим внешним видом он больше напоминает христианские надгробные монументы. Над аркой в верхней части памятника полукругом на арабском языке (с огласовками) приведен текст *шахады*.

Информация об умершем выбита на пьедестале. Сначала идет надпись на старотатарском языке: «Действительный статский советник, юллар муһандисы / Хөсәен Йагькуб углы Йакубовский / 1845 сәнә, абрил 15 дә тугды / 1916 сәнә, май 24 дә йитмишь бир яшендә вафат улды» («Действительный статский советник, путейский инженер / Хусаин Якубович Якубовский / Родился 15 апреля 1845 года / Скончался в возрасте 71 года 24 мая 1916 год»).

Русский текст расположен в нижней части пьедестала: «Моему незабвенному мужу и единственному другу / Константину Яковлевичу / Якубовскому / Род. 15 апр. 1845 г. сконч. 24 мая 1916 г.». В правом нижнем углу указана фамилия мастера, изготовившего памятник: «Работ. Игнатьев».

Памятник **Искандера Романовича** так же, как и памятник Константина Домбровского, находится в горизонтальном положении. Нельзя исключать, что камень расположен не над самой могилой, – он находится в близком соседстве и за одной оградой с захоронением, относящимся к 1960 г.

Верхнюю часть памятника занимает текст популярной среди татар *дога* (ду'а), включающей слова из *ай-ата* 201 *сурь* «Корова» и предваряемой *басмалой*:

Памятник на могиле К.Я.
Якубовского

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ /
رَبَّنَا آتِنَا فِي الدُّنْيَا حَسَنَةً وَفِي الآخِرَةِ /
وَقِنَا عَذَابَ النَّارِ

(«Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного! / Господи наш! Даруй нам в ближней жизни добро и в последней добро / и защити нас от наказания огня»).

Далее следует текст на старотатарском, с информацией об умершем: «тарих / мең дә тукуз йөздә, беренче елда, 28 / гыйнварында иштабис ротмистр Раманович углы Искәндәр ун / биш көнлек бала вафат улды» («28 янв. 1901 г. скончался сын штабс-ротмистра Ро-

мановича – Искандер в возрасте двух недель»).

В нижней части памятника выбит текст на русском: «Двухнедельный / младенец Искандер / штабс-ротмистра / Романовича / Умер 28 января / 1901 г.»

Памятник на могиле
И. Романовича

Об отце Искандера – штабс-ротмистре Якубе Ромуальдовиче Романовиче – известно, что он был действительным членом Мусульманского благотворительного общества в Петербурге.

Арабский текст на надмогильном памятнике **Разии Юсуфовны Соболевской** (1898–1916) приводится с огласовками. В верхней части полукругом приведен *айат* 57 из *суры* «Паук»: «كُلُّ نَفْسٍ ذَائِقَةُ الْمَوْتِ ثُمَّ إِلَيْنَا تُرْجَعُونَ» («Всякая душа вкусит смерть; потом к нам вы будете возвращены»). Далее рас-

положен выпуклый полумесяц, смотрящий «рожками» влево, с пятиконечной звездой. Под полумесяцем – две строчки на арабском. В первой содержится текст *шахады*. Следующей строкой идут слова молитвы (*ду'а*, или *дога*) на смеси старотатарского и арабского языков: «Аллаһу рэхмэтэн эйлэ жәннэт!» («Аллах милостью своей сделай или помести в Раю»). В нижней части памятника – текст на русском: «Разыя Юсуфовна / Соболевская / род. 25 мая 1898 г. в Околице Иваново / Минской губ. Слуцкого уезда / сконч. 10 мая 1916 г. в Петрограде».

Работая над этой статьей, я просматривал свой фотоархив. Среди сделанных на Ново-Волковском кладбище снимков я нашел изображение памятника на могиле юнкера **Александра Иосифовича Ассановича**. Однако на фотографии был запечатлен лишь фрагмент надмогильного камня, не позволяющий воспроизвести начертанный на нем текст полностью. К сожалению, во время последовавших за тем посещений кладбища мне не удалось обнаружить могилы Ассановича. Поэтому приведем здесь лишь доступный нам текст.

В верхней части памятника – полумесяц, смотрящий «рожками» вправо, и восьмиугольник. Ниже приведен фрагмент *айата* 156 суры «Корова»: **إِنَّا لِلّٰهِ وَإِنَّا إِلَيْهِ رَاجِعُونَ** («Поистине, мы принадлежим Аллаху, и к Нему мы возвращаемся!»). Далее следует текст на старотатарском: «Бу мәкабирәдә мәдфундер / Искәндәр Йосыф углы / Хәсәнович» (« В этой могиле погребен / Александр Иосифович / Ассанович»). В нижней части

Памятник на могиле Р.Ю.
Соболевской

памятника содержится текст на русском: «Юнкер Константиновско-го училища / Александр Иосифович / Ассанович». Нижняя часть надмогильного камня (с указанием года смерти и возможно года рождения) скрыта под землей.

В «Петербургском некрополе» В.И. Сайтова указано, что Ассанович скончался в 1888 г. в возрасте 21 года²⁰. Таким образом, если камень все же сохранился, то это – один из старейших сохранившихся надмогильных памятников на магометанском участке Ново-Волковского кладбища.

4) Памятники, содержащие надписи исключительно на русском языке.

На трех памятниках (Е.С. Тальковской, Е.С. Олеевской и М.Д. Якубовской) содержится только русский текст, а мусульманская символика представлена полумесяцем со звездой.

Елена Степановна Тальковская (в девичестве – Сулькевич)

была замужем за генерал-майором Искандером Османовичем Тальковским (1858–1921). У них было двое сыновей и две дочери.

Памятник над могилой
А.И. Ассановича

В верхней части небольшого гранитного памятника красного цвета на могиле Е.С. Тальковской изображен полумесяц с пятиконечной звездой. «Рожки» полумесяца при этом смотрят влево.

В средней и нижней части памятника – текст на русском (уже в послереформенной орфографии): «Дорогой мамочке / Е.С. / Тальковской / от любящих ее детей 13 мая 1918 г.».

Надмогильный памятник **Елены Самуиловны Олеевской** находится в одном ряду и за одной оградой с могилами представителей рода Домбровских. Скорее всего, Е.С. Олеевская, равно как и Елизавета Давыдовна Олеевская (1874–1960), чья могила нахо-

²⁰ Сайтов В.И. Петербургский некрополь. – СПб, 1913. – Т. 4. – С. 745.

дится рядом, принадлежит к семье Домбровских. На небольшой плите прямоугольной формы содержится короткая надпись на русском языке: «Олеевская / Елена Самуиловна / Ск. 1908 г.». Изображение полумесяца отсутствует. Возможно, перед нами более поздний вариант памятника, взамен утраченного. В пользу этой версии говорит то, что соседние памятники на могилах Домбровских и Е.Д. Олеевской, относящиеся ко второй половине XX в., оформлены в схожей манере (в форме бетонных раковин).

Памятник на могиле
Е.С. Тальковской

Семья Тальковских (в центре – И.О. Тальковский, справа – Елизавета Степановна Тальковская (урожд. Сулькевич), стоят: сын И. И. Тальковский и дочь Е.И. Александровна)

На третьем памятнике в рассматриваемой группе, принадлежащем **Марии Давыдовне Якубовской**, присутствует полумесяц с «рожками», смотрящими вправо. Вместо пятиконечной звезды – звезда Давида. Под полумесяцем – надпись: «Мария Давыдовна / Якубовская / сконч. 29 июля 1906 г.».

Польско-литовские татары к концу XIX в. составляли немногочисленную, но заметную группу среди мусульманского населения Петербурга. Приезжая в имперскую столицу на время, некоторые из них остались в городе навсегда и обрели покой на

магометанском участке Ново-Волковского кладбища.

Количество сохранившихся до наших дней надмогильных памятников польско-литовских татар, погребенных до 1920-х гг., по нашим подсчетам не превышает десяти. Большая часть из них находится в хорошем состоянии. Но это обстоятельство не должно вводить в заблуждение.

С 1964 г. магометанский участок Ново-Волковского кладбища законсервирован и закрыт для новых захоронений. Но каждый раз, приходя сюда, обнаруживаешь свежие могилы.

Люди находят разные лазейки, чтобы похоронить здесь своих родственников, даже не имея на это формального права. На фоне помпезных монументов, присущих современности, старинные камни теряются в прямом и переносном смысле. Кто поручится, что кто-нибудь однажды не захочет подвинуть или сбросить с пьедестала старый памятник для того, чтобы освободить место для новой могилы?

Перед ходом времени и беспамятством потомков бессильны даже самые прочные камни. Если ни сами мусульмане Петербурга, ни польская сторона не возьмут на себя заботу о дореволюционных памятниках на магометанском участке Ново-Волковского кладбища, то через некоторое время о многих из них мы сможем судить только по фотографиям.

Памятник на могиле
Е.С. Олеевской